

МЕНТАЛИТЕТ И ТРАДИЦИИ ЯПОНИИ*

Рецензируемая книга А. Прасола имеет подзаголовок «Менталитет и традиции в современном интерьере». Этим довольно точно определяется круг проблем, которым посвящена объёмная и содержательная книга автора, давно уже зарекомендовавшего себя в глазах не только специалистов, но и всех, кто проявляет интерес к духовной жизни и культуре японского народа, знатока духовной жизни японской ветви дальневосточной цивилизации. На с. 5 автор отмечает, что книга написана на основе «личных наблюдений и впечатлений». В этом основная её ценность. А. Прасол, более 15 лет проживший в Японии, не утратив чувства дистанции между наблюдателем и наблюдаемым объектом, оказался наблюдателем очень проникновенным и тонким, что предопределило ценность информации, содержащейся в его книге. Всё это позволяет говорить о значительном вкладе в изучение менталитета японцев, к чему в последнее время приковано повышенное внимание специалистов всего мира.

* Прасол А. Япония. Лики времени. М.: Изд-во «Наталис», 2008. 360 с.

Работы разного жанра, посвящённые этой проблематике, вышли в Германии, Франции, России, США, Бельгии.

В рецензируемой монографии автор уделяет большое внимание тому, что он называет «трёхтактным механизмом» заимствования. В данном случае он анализирует одну из фундаментальнейших черт японской культуры за всё время её существования — большую восприимчивость к заимствованию культурных достижений из-за рубежа. «Трёхтактный механизм» заимствования — это три принципа, на основе которых он действует. Первым принципом автор книги называет «имитацию» (с. 14). Этот принцип выражается в афоризме: «Хочешь узнать что-то новое — поезжай на материк». Конкретизируя его, автор заключает: «Со временем он окреп и превратился в традицию, передаваемую через поколения от предков к потомкам» (с. 14).

Вторым принципом «трёхтактного механизма» заимствования исследователь называет адаптацию (с. 15). Но при этом он делает весьма многозначительную оговорку: «Готовность пользоваться достижениями других цивилизаций удивительным образом уживалась у древних японцев с представлением о собственном государственном величии» (там же).

Третий принцип механизма заимствования в изображении А. Прасола выглядит следующим образом: «Видоизменение и усовершенствование полученной извне информации — это третий и последний этап механизма заимствования» (с. 17).

Приведённый выше анализ «трёхтактного механизма» заимствования представляет большой интерес, хотя в силу новизны подобного тезиса его аргументация не отличается стройностью. Тезис о том, что японцы — талантливые имитаторы, является трюизмом, который прочно утвердился в сознании не только специалистов, но и всех, кто интересуется культурой Страны восходящего солнца. Однако предложение А. Прасолом новой парадигмы в осмыслении этого явления является принципиально новым вкладом в изучение механизма действия традиции в культуре Японии и в понимание особенностей японского менталитета.

Очень интересны наблюдения взаимодействия между тремя влиятельными религиями — буддизмом, синтоизмом и христианством и их влияния на повседневную жизнь. Автор пишет: «Сегодня многие японские семьи после рождения ребёнка отправляются в синтоистский храм, молодожёнов венчают в христианской церкви, а покойников отпевают и придают огню по буддийскому обряду, и не видят в этом ничего особенного. Бракосочетание часто проходит в два этапа: вначале традиционный национальный обряд, затем свадебное путешествие и венчание в христианской церкви по западному образцу» (с. 19). Оригинально выглядит мысль автора о различии в отношении к религии японцев, с одной стороны, индийцев и китайцев — с другой: «Индийцы и китайцы стремились сформулировать универсальные идеи, которым должны следовать верующие. Японцы следовали не столько идее, сколько её носителю, которого называли Учителем» (с. 21).

Заслуживает пристального внимания вывод автора о высокой степени формализованности отношений между людьми в Японии: «В Японии степень их [отношений между людьми] формализованности чрезвычайно высока по сравнению с другими странами» (с. 95).

Понадобилось бы много места для того, чтобы отметить все многочисленные находки и новации автора монографии в характеристике столь тонкой материи, как менталитет японцев. Мы предлагаем читателю самому сделать это, испытать чувство сопричастности исследователю.

В заключение остановимся на недостатках книги и спорных положениях, высказанных в ней А. Прасолом. Прежде всего нужно сказать о жанре. Автор характеризует книгу как научно-популярное издание. Позволим себе с этим не согласиться. Это издание научное, причём наука здесь самой высокой пробы. Об этом свидетельствует и детализированный научный аппарат, обилие ссылок на первоисточники и фундаментальные исследования. С популярной литературой книгу А. Прасола роднят живой и увлекательный стиль и некоторая субъективность, связанная с тем, что автор вводит в ткань повествования очень много личных наблюдений.

Ещё одно замечание относится к перечню предшественников А. Прасола на поприще изучения менталитета и традиций Японии, приведённому им на с. 6. В числе своих предшественников автор забыл упомянуть Г. Комаровского (Светлова), с нашей точки зрения, самого тонкого знатока такой материи, как религиозное сознание, традиции, культурные особенности японского социума на большом отрезке времени — от древности до современности.

Настораживает тот факт, что на с. 7 такие понятия, как менталитет и национальный характер выглядят у исследователя в качестве рядоположенных, а это, по нашему убеждению, разные понятия как по своему семантическому полю, так и по мыслительной парадигме.

Трудно согласиться с утверждением автора, что синто ничего не говорит о загробной жизни. Крупнейший представитель школы «кокугаку» Хирата Ацутаке (1776—1843) в своих работах писал о подземном мире, куда переселяются души японцев после смерти, где образ их бытования значительно отличается от земного.

На с. 23 автор утверждает: «Разбор содержания рукописей, сопоставление оригинала и его толкования, анализ текста в Японии тоже не практиковались». Это утверждение нужно отвергнуть как неверное по существу. Один из основоположников «школы национальных наук» («кокугаку») Мотоори Норинага (1730—1802) вошёл в историю гуманитарных наук Японии как крупнейший текстолог, составивший «комментарии к «Кодзики» — образцовую текстологическую работу, надолго пережившую своего создателя.

Нельзя согласиться с утверждением А. Прасола о трёх случаях репрессий властей против верующих. Гонения на христиан в этом ряду замыкают цепь репрессий, но был и четвёртый случай. Это гонения против буддистов после Мэйдзи исин (1868 г.), которые выступали как «конкурирующая фирма» на пути утверждения синто в качестве государственной религии.

Можно говорить и о более мелких замечаниях в адрес содержания рецензируемой монографии. Однако недостатки книги А. Прасола теряются на фоне большого числа достоинств, которые характерны для этого исследования. С нашей точки зрения, своей работой автор внёс большой вклад в дело изучения менталитета японцев.

В.В. СОВАСТЕЕВ, доктор исторических наук,
П.Л. ГОРБЕНКО, аспирант кафедры всеобщей истории ДВГУ